Дочь Сталина в США

Category: Kitapcy,Söhbetdeşlik
написано kitapcy | 24 января, 2025
Дочь Сталина в США ДОЧЬ СТАЛИНА В США

- **Беседа с Борисом Парамоновым**

Александр Генис: Недавно в журнале “Нью-Йоркер” появилась статья Николаса Томпсона “Мой друг – дочь Сталина” с подзаголовком “Сложная жизнь Светланы Аллилуевой”. Думаю, что в России все помнят, как дочь Сталина убежала из Советского Союза весной 1967 года – из Индии, куда она отвозила прах своего умершего в СССР мужа – индийского коммуниста.
Американский журналист и писатель Николас Томпсон вступил в контакт со Светланой Аллилуевой в 2006 году, когда он работал над книгой о Джордже Кеннане – американском дипломате, бывшим послом США в Москве и автором знаменитой доктрины “сдерживания”, определившей на много лет политику Запада в отношении СССР. Томпсон заинтересовался Аллилуевой, потому что она была много лет знакома с Кеннаном, вела с ним многолетнюю переписку, и вообще он был первоначальным руководителем Светланы Аллилуевой, когда она поселилась в США, в университетском городке Принстон, где профессорствовал Кеннан. Томпсон написал Аллилуевой; зная ее сложный характер, он мало надеялся на ответ – но она ему ответила большим письмом. Так началась их долгая переписка – и даже личные встречи, когда Аллилуева жила в различных старческих домах штата Висконсин.
Мы с Парамоновым прочитали статью Николаса Томпсона, и я попросил Бориса Михайловича поделиться впечатлениями от этой примечательной публикации.
Борис Парамонов: Статью Николаса Томпсона я прочитал с большим интересом – и я по-другому стал относиться к Светлане Аллилуевой. Мое впечатление о ней создалось, когда после ее бегства из Советского Союза в 1967 году и появления ее книги «Двадцать писем к другу», эту книгу стали читать в передачах «Голоса Америки». И вот – мне не понравилось то, что она написала. И как написала не понравилось. Это был какой-то,

извините за выражение, бабий текст, мелкий, пустой. И даже уникальная информация – о Сталине, естественно, в кругу семьи, в общении с дочерью – тоже была мелкой, незначительной. Ну писала она ему записочки, а он ей отвечал тоном подчиненного, называл себя ее секретарем. На фоне того, что было уже известно о Сталине, это казалось чепухой. И вообще какое нам дело до семьи Сталина? Он – нелюдь, его нужно воспринимать совершенно в иных категориях.
Меня даже раздражила, помнится, история ее девической любви, влюбленности в киносценариста Каплера. И сам этот Каплер вызывал раздражение, отнюдь не восторг своей безумной отвагой – осмелился крутиться около дочки Сталина: я не мог забыть, что Каплер – автор сценариев к фильмам «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», особенно последнего, где Ленин втолковывает слабонервному интеллигенту Горькому, что террор нужно усиливать и вообще жалость вредное чувство. И вот то, что Каплер к этому руку приложил, не вызывало к нему симпатии.

Александр Генис: Настоящего романа с Алексеем Каплером у нее не было, он возник потом, уже после смерти Сталина. И еще интересно, когда Аллилуева пишет о ее реакции на высылку Каплера из Москвы в 1943 году: что она, мол, только тогда впервые поняла, что ее отец располагает возможностями расправляться с людьми.

Борис Парамонов: Тоже это к ней симпатии не прибавило: вишь ты какая небожительница, пуще того раздражило. В мемуарах меня заинтересовала одна деталь. Светлана подрастала, начинала физически развиваться, и папаше показалось, что она носит слишком короткие юбки. Он в негодовании принес несколько своих батистовых рубашек (хорошо запомнил этот батист) и сказал: «Няня, сшей из этого шаровары Светлане».
Кроме того, мы узнали еще, что брат Василий вскоре после смерти Сталина допился до смерти. И про первого ее мужа по имени Григорий Морозов. А что ее вторым мужем был сын Жданова Юрий, было и раньше известно. Кстати об этом сыне. Жданов его проталкивал наверх, и парень, видно, был толковым. Он работал

в отделе науки ЦК и когда шла дискуссия по вопросам биологии в 1948 году, представил проект постановления, в котором Лысенко осуждался, а генетика одобрялась. Сталин, как известно, решил по-другому.
Потом Жданов-сын был ректором университета в Ростове-на-Дону. Я однажды держал в руках журнал «Дон», там была его статья — что-то по поводу достижений советской науки, и между прочим автор вспоминал, как в детстве он любил наблюдать звездное небо в подаренный ему телескоп. Хорошо воспитывались кремлевские дети, говорю без иронии.

Александр Генис: Тогда уж скажем и о том, что Светлана, еще только сойдя с самолета в американском аэропорту, заговорила на прекрасном английском.

Борис Парамонов: Вот об этом хочу специально сказать. Отрывки писем Светланы Аллилуевой Николасу Томпсону, которые он приводит в своей статье, не только написаны на прекрасном английском, но они и звучат совсем не так, как ее тогдашние мемуары. Мемуары, как я уже сказал, были мелкими, решаюсь сказать, глупыми, а эти письма создают представление об интеллигентном умном человеке.
Дело не в том, что Светлана в Америке поумнела, а в том, что английский язык по-другому звучит. Упаси Бог, я не хочу сказать, что русский язык — это для дураков. Но писать на нем хорошо труднее, чем на английском. Русский язык располагает к многословию, на нем легко и естественно мямлить, растекаться по древу. Нужно быть мастером языка, чтобы по-русски писать хорошо. Английский в этом отношении легче, весь его строй требует и способствует толковой краткости.

Александр Генис: Бродский однажды признался, что ему долго казалось, будто на английском языке просто нельзя сказать глупость. Я думаю, что все это — предрассудок иностранца. Вот Беккет, скажем, писал на французском, считая, что его родной английский слишком поэтичен для того минималистского, трезвого стиля, который он искал и находил на французском. То же самое и Илья Эренбург говорил о французском. Кстати, о том, что вы

сейчас сказали, написал статью М. Эпштейн с такими же примерно мыслями.

Борис Парамонов: Да, я помню, я читал эту статью. Там говорится, что русский для философских текстов неадекватен. Так что тут я, буду настаивать, не сказал особой ереси.

Александр Генис: Но вернемся к Аллилуевой.

Борис Парамонов: Статью Н. Томпсона, повторяю, я прочел с интересом и, могу сказать, с пользой для себя – обогатил себя некоторым образом. А книгу «Двадцать писем к другу» уже в эмиграции взялся читать, а не слушать – и тут же бросил.

Александр Генис: Так чем же обогатили?

Борис Парамонов: Я стал лучше понимать ситуацию, в которой оказалась Светлана, экзистенциальное ее измерение, – потому что, повторяю, сам текст ее, вот эти цитаты из писем Томпсону, по-другому звучали. Ну и потом очень интересные открылись подробности об американском браке Светланы. Мы и раньше знали, что она вышла замуж за архитектора Уильяма Питерса, бывшего учеником великого Фрэнка Ллойда Райта.

Александр Генис: Он участвовал в строительстве великого здания Нью-Йорка – музея Гуггенхейма.

Борис Парамонов: Это был уже ее четвертый муж, в браке родилась дочь, названная Ольгой в честь вдовы Райта, которую в письмах Светлана и Томпсон зовут “Ольгиванна”. Ну ясное дело, русская, Ольга Ивановна. Залез в Гугл: да, Ольга Ивановна Лозович-Манилова, балерина, вышла замуж за Райта в 1929 году. Было у них двое детей: дочь Светлана (нота бене!) и сын Дэниэл, и оба вместе погибли в автокатастрофе.

Александр Генис: С вдовой Райта ее свел знаменитый дипломат и большой знаток России, который очень помог ей на Запад все тот же Джордж Кеннан.

Борис Парамонов: И вот вокруг этого сюжета Светлана

рассказывает массу интересного и значительного Томпсону. Вы чувствуете эту символическую игру именами? Аллилуева становится для Ольгиванны субститутом, заменой погибшей дочки Светланы, а Светлана приобретает в ней символическую мать. Травмирующим мотивом жизни Светланы было не только наличие такого чудовищного отца, и не только его последующее разоблачение, но и нехватка матери, тоска по матери.

Александр Генис: Да еще умершей таким трагическим образом – покончила самоубийством. Светлане был тогда шестой год.

Борис Парамонов: Тут тоже какая-то неувязка есть: в мемуарах она писала, что о самоубийстве матери ей рассказала Полина Жемчужина, жена Молотова, а Томпсону она говорит, что прочла об этом в английском журнале. Ясно, однако, что иностранная пресса в Кремль поставлялась и цензуре не подлежала.
Но это мелкая деталь. А вот что сенсационным мне показалось. Светлана Аллилуева рассказывала Томпсону, что только выйдя замуж за Питерса, она узнала о радостях брака – ни с кем этого не было: ни с первым мужем, ни со вторым, ни с третьим – индийским коммунистом. Ну, тот был очень больной человек и вскоре умер. Получив разрешение отвезти его прах в Индию, она там и решилась на побег.
Что же означает в психологическом смысле эта ее до времени сексуальная фригидность? Конечно, устрашающий образ отца, вокруг которого у девочек слагаются первоначальные сексуальные влечения. Это называется комплекс Электры – в параллель Эдипову комплексу у мальчиков.
Вот тут и можно понять ее истинное, то есть тайное, бессознательное отношение к своему отцу. Это была ситуация, повернутая на 180 градусов к истории Электры, уговорившей брата Ореста убить злодейку мать. У Светланы можно предположить в бессознательном не столько естественный комплекс Электры, сколько желание отомстить отцу за смерть матери.
Ведь даже когда она стала любовницей Каплера после смерти Сталина, и любила его действительно, ничего в ее ощущениях

сексуальных не изменилось. Вот такую тень бросал на нее Сталин.

Александр Генис: Но, конечно, она сама была не сахар. Она хотела замуж за Каплера, звала его развестись с женой, он отказывался. Тогда она устроила Каплеру публичный скандал, встретив его в театре с женой.

Борис Парамонов: А Билл Питерс, за которого она вышла замуж в США, был у нее символически связан не с отцом, а с матерью: ведь она пыталась в Ольгиванне видеть мать, и вот мать предлагает ей жениха, значит, всё хорошо будет, и стало хорошо.

Александр Генис: Что не помешало Светлане и с ним разойтись.
Да он еще все ее деньги просадил на каком-то неудачном бизнес-проекте. Николас Томпсон пишет, что он прочел в мемуарах сына Берии Серго, как в детстве Светлана однажды сказала: “Женщины не могут любить мужчин, потому что они против мужчин всё равно как пчелы против шмелей”.

Борис Парамонов: Это, я бы сказал, естественно слышать от дочери Сталина. Да, овечкой она не была. Ведь она и с этой Ольгиванной скоро расплевалась, все эти их символические связи распались. Вдова Райта, как можно понять, создала вокруг себя некую коммуну, вроде тех, что тогда устраивали хиппари, но с оттенком, что ли, тоталитарной секты.

Александр Генис: Светлана говорила Томпсону, что это стало ей напоминать Советский Союз: не для того, она оттуда сбежала, чтобы в Америке снова попасть в рабство.

Борис Парамонов: Еще одна острая деталь. Светлана сказала Томпсону, что видела своего мертвого отца голым и поразилось тому, какое у него было прекрасное тело.
Конечно, это фантазия. Не такова в России традиция обхождения с покойниками, тем более такого ранга, чтобы близкие присутствовали при соответствующих процедурах. И потом хорошо известно, что Сталин был щупл, небольшого роста, одна рука

сухая. Я скажу, в чем тут дело: у Светланы это от Томаса Манна о Гете, это Манн приводил в одном тексте воспоминание современника, чуть ли не самого Эккермана, видевшего мертвого обнаженного Гете, его прекрасное, почти юношеское тело. Светлана пыталась выдать папашу за Гете. Это опять же свидетельство ее вины перед ним за тайную нелюбовь к нему, вытесненную нелюбовь, которую она таким образом пытается подменить, такой сублимирующей фантазией.
В общем, суммируя впечатления от этого материала, Сталина, как можно понять, из знавших его никто не любил. Это потомки пытаются его полюбить заочно.

12 мая 2014.

Александр ГЕНИС,
Борис ПАРАМОНОВ. Söhbetdeşlik